

Аббатство (1)

«Хм? Ах, ну...»

Старик внимательно оценил выражение лица Тома, а затем обнажил свою стопу. То, что предстало перед глазами монаха, было черно-синим распухшим куском плоти. Нога выглядела так, словно все кости в ней были безжалостно сломаны.

«Я уже какое-то время её совершенно не чувствую. Я обращался к фармацевту, но... он сказал, что, скорее всего, лечить такое уже слишком поздно. Единственные варианты, которые у меня остались, — это ампутировать ногу или вылечить её с помощью святой магии, но деньги... Я уже итак ем через раз! Это не говоря уже о том, что долги по налогам только растут и растут! Как я могу позволить себе дорогостоящее лечение у этих священников?»

«...Я понимаю», — Тома вздохнул в ответ на искренние причитания старика и протянул руку к его стопе.

Когда монах что-то пробормотал, из его ладони вырвался свет, который в следующий момент просочился в ногу старика. Медленно, но верно опухоль начала рассасываться, и вскоре темный синяк исчез.

Уставившись на свою ногу широко распахнутыми глазами, старик затем впился взглядом в Тому.

«Вы меня, что, не слышали?! Я не то, что налоги заплатить не могу, я даже жалкое пожертвование в аббатство сделать не могу. А вы хотите, чтобы я заплатил за такое чудо?!»

«Я не собирался ничего у вас требовать».

«...Что?!»

Тома широко улыбнулся старику.

«Я лишь прошу вас время от времени посещать это место и помогать заботиться о детях. Им нравится, когда вокруг больше людей, да и из жизненного опыта старших всегда получаются хорошие истории. Это все, о чем я вас прошу».

«А-ах... Господин Герой!»

«А пожертвование... Сегодня я закрою на него глаза. Не забудьте подготовиться к следующему разу. Хорошо?»

В ответ старик схватил Тому за руку.

«Спасибо! Спасибо! Нет никого, кто зашел бы так далеко ради такого старика, как я!»

Старик жалобно заплакал, крепко схватив монаха за руку. Его мозолистые, грязные руки были от недоедания маленькими и хрупкими, словно тонкие ветки, которые могли сломаться в любой момент. Такие люди, как этот старик, были далеко не редкими, но, даже при этом, их сердца оставались чистыми и невинными. Тома была единственным лучом надежды для этих людей, покинутых семьей и страной.

«Господин Герой! Увидимся завтра».

После того, как группа пожилых людей ушла, Тома повернулся к алтарю с пожертвованиями. Заглянув внутрь, он увидел скудную кучку монет, уставившихся на него.

‘Нам конец. Преподносить такую жалкую сумму Святому Королевству того просто не стоит’.

Сорок. Вот какой процент от своего дохода граждане этой страны должны были платить каждый месяц. Вдобавок ко всему, каждый человек должен был один раз в день посещать церковь или аббатство рядом со своим местом жительства, чтобы распрощаться с ещё одной порцией денег во имя ‘пожертвований’. После целого месяца пожертвований человек терял ещё около 10% своего заработанного состояния. Аббатства и церкви должны были подсчитывать эти пожертвования в конце каждого дня. Если священники или монахи заподозрят, что кто-то утаивает причитающееся церкви, вера подозреваемого будет поставлена под сомнение, в связи с чем он будет передан Религиозному Суду. Другими словами граждане Святого Королевства должны были ежемесячно платить в общей сложности 50% своего дохода в качестве налогов. Это сильно усложняло жизнь более бедным простолюдинам, у которых не было богатых семей и ресурсов, на которые можно было бы рассчитывать. Продажа сына или дочери в рабство только для того, чтобы поддержать скудный образ жизни целой семьи, было обычным зрелищем.

‘Это... слишком несправедливо’.

Тома прекрасно понимал, что это был бессердечный способ правления, но деньги были необходимы, чтобы поддерживать баланс и продвигать страну вперед. Чем выше будут налоги, тем сильнее станет их страна; вербовка и обучение высококлассных солдат обходились совсем недешево. Учитывая это, 40%~50% налог не был чем-то удивительным.

‘Несмотря на все проблемы и несправедливости, люди всё ещё справляются и продолжают жить. Всегда есть способ выжить. Тот факт, что это бедное маленькое аббатство всё ещё существует, является достаточным тому доказательством. Но... может ли человек быть счастливым, живя такой жизнью? Можем ли мы называться живыми, если мы все ничем не отличаемся от рабов своей нации?’

Позже в тот же день Тома обнаружил, что его опасения разделяют дети аббатства.

«Это всё из-за всех плохих людей!»

Тома в недоумении наклонил голову.

«Плохих людей?» — с любопытством спросил он.

Дети положили кубики, с которыми играли, кивнули или подняли руки, чтобы что-то сказать.

«Король и дворяне!»

«А, ну и священники тоже!»

Тома был ошеломлен их словами.

«Люди говорят, что это они забирают все наши деньги!» — одна из сестер, стоявших поблизости, вздрогнула от этих слов.

Пренебрежительные замечания детей наполнили Тому противоречивыми эмоциями.

‘Люди говорят? Кто конкретно им всё это рассказал?’

«Кто вам всё это сказал?»

Дети указали в сторону угла комнаты. Когда монах проследовал за их пальцами, его глаза остановились на сестре, играющей с девочками. Ее фирменные серебряные волосы и красные глаза всегда выделялись. Это была Элли.

Она выглядела потрясенной как обвинениями детей, так и взглядом Тома, из-за чего застенчиво почесала пальцем щеку. Элли также всё это время слушала детей, пытаясь оценить реакцию Тома. Дети продолжали уверенно выкрикивать свои ‘знания’, не понимая, что значит повторять то, чему их научила Элли.

«Она сказала, что всё это потому, что все короли, дворяне и священники слишком много едят!»

«Да! Все н-налоги и п-пожертвования, — заикаясь, произнёс один особенно маленький ребенок. — Они явно делают с ними только плохие вещи!»

«Чтобы это понять, нужно просто на них посмотреть! Все дворяне и священники толстые!»

Дети растопырили руки и неуклюже двигались туда-сюда, пародируя дворянам и священникам из своего воображения. Глаза Тома дернулись, но остались прикованными к молодой монахине.

«Сестра Элли?»

На лице Тома была яркая улыбка, но его прищуренные глаза выдавали его внутреннее раздражение. Он явно винил её в предвзятом мышлении детей. Элли неловко хихикнула, подходя к Томе и детям.

Прежде чем заговорить с детьми, она посмотрела на него извиняющимся взглядом.

«Да, все верно. Короли и дворяне, даже священники делают плохие вещи!»

‘...Что она такое говорит?!’

Тома попытался заставить её замолчать, но Элли заговорила первой.

«Но что я тебе говорила вам до этого? Как насчет людей в целом?»

«Есть хорошие люди и плохие люди!» — в унисон ответили дети.

«Верно. Это должно означать, что среди королей, дворян и священников тоже есть плохие и хорошие люди, верно?» — кивнула на их слова Элли.

Дети в замешательстве уставились на нее.

«Ммм. Например, вот! — Элли указала на Тома. — Как вам брат Тома? Он хороший или плохой?»

«Хороший!» — закричали дети.

«Верно, но он тоже священник. Он ведь не плохой человек?»

Дети посмотрели на Тома, затем снова на Элли, все еще не в силах понять, кто хороший, а кто плохой.

«Среди нас есть и очень хорошие, и очень плохие люди. Среди королей, дворян и священников,

о которых вы все говорили, есть плохие люди, но среди них есть и такие хорошие люди, которые помогают бедным, как, например, мы. Благодаря этим хорошим людям каждый остальные могут продолжать жить счастливой жизнью!»

После этих слов Тома закрыл рот. Он больше не хотел мешать ей говорить. Скорее, он тоже заинтересовался её нетрадиционным уроком.

«Ужасные люди могут стать хорошими, а хорошие люди среди нас могут стать плохими. У всех, и у меня, и у вас, есть сердце, так что разве то, что они тоже могут измениться, не имеет смысла?»

«Тогда...»

Дети посмотрели на Тома и Элли.

«Могут ли Брат Тома и Сестра Элли стать плохими?»

Пара была ошарашена этим детским вопросом.

«Да! Высший балл за этот вопрос! Это тоже может случиться! Однако у меня есть брат Тома, а у брата Тома есть я, так что мы не станем плохими! Мы поддерживаем друг друга и исправляем пути друг друга, чтобы оставаться хорошими! Вы согласны? Что думаешь, брат Тома? Это и есть семья, не так ли?» — с улыбкой быстро ответила Элли.

Элли повернулась к Томе, ожидая его ответа. Однако как только девушка посмотрела на него, она поняла смысл своих слов и начала краснеть.

«Ах, это...»

Элли робко почесала щеку из-за его колебаний.

«Ах, я сказал что-то слишком смущающее?»

«Нет, это не так, — заверила её Тома. — В конце концов, это правда».

«Хм?»

«Я тоже верю, что сестра Элли держит меня на правильном пути, когда я отклоняюсь от света, и именно благодаря моей вере в нее я знаю, что могу оставаться добрым. Я очень рад, что вы здесь со мной, и благодарен вам за постоянную поддержку. Пожалуйста, сестра Элли, продолжай и дальше присматривать за детьми».

Тома улыбнулся Элли, уверенный, что его ответ удовлетворил её.

В следующий момент девушка быстро встала и объявила о своем уходе.

«Ах, верно! Я забыла о стирке! Я такая глупая!»

Она поспешила прочь, словно убегая. Тома не мог не пожать плечами, от чего дети пришли в неистовство, начав перешептываться между собой.

«Внезапное признание? Разве люди не это называют ‘предложением’?»

«...Сэр монах втайне тот ещё бабник».

«Что значит ‘бабник’?»

«Профессиональный ухажёр».

«Ухажёр? Тот, кто ухаживает за женщинами? »

«Сутенер!»

«Сутенер?»

«Я думаю, что он просто мямля».

«Что значит мямля?»

От всех этих слов у Тома дёрнулся рот.

‘Эти дети... где они научились всему этому?!’

Взгляд Тома был прикован к определённой полке, пока он реорганизовывал книги в библиотеке. Она была заполнена старинными текстами и рукописями. За этой полкой находился вход в своего рода подземелье, где некогда еретический культ поклонялся древнему дьяволу.

‘Судя по всему, с тех пор никто к ней не прикасался. Нет, никто просто не мог об этом

узнать. У остальных монахов просто нет причин перемещать эту полку, а дети не могут сдвинуть его своими силами. Я должен сообщить об этом Святому Королевству, а они уже позаботятся об этом'.

Он не чувствовал себя спокойным, просто запечатав и спрятав вход.

'Конечно, перед этим мне нужно заплатить долги по налогам и подготовить пожертвования'.

Тома мысленно вздохнул, продолжая протирать книги.

«Эм... сэр монах».

Тома повернулся и увидел стоящего позади него молодого парня.

«Что случилось?»

«Ну...» — монах подошел ближе и прошептал Томе в ухо.

«У нас не хватает... пожертвований? — спросил Тома, повторяя то, что ему только что сказали. — Отчасти это связано с тем, что пожилые люди не могут себе позволить заплатить достаточную сумму...»

Тома забеспокоился, не является ли эта проблема делом его собственных рук, но молодой монах покачал головой.

«Нет. Дело не в этом... Даже если те старейшины не сделали надлежащего пожертвования, сумма в записях должна совпадать с тем, что у нас есть. Однако это не так. Единственное объяснение этому заключается в том, что кто-то украл пожертвования нашего аббатства».

«Украл? Кто...?»

Когда Тома в шоке вскочил от неожиданной новости, лицо молодого монаха потемнело.

«Похоже, что виновником является брат Фарон».

Тома поспешно двинулся за молодым монахом. Он не мог не почувствовать себя жалким, в связи с чем и вздохнул. Фарон всегда был честным и преданным монахом. Он также был выдающимся человеком, пользовавшимся большим уважением других братьев и сестер благодаря своему возрасту и опыту.

‘Зачем такому человеку красть пожертвования...?’

Когда Тома прибыл в часовню, то обнаружил, что она уже до краев забита другими членами аббатства. Все они, окружив одного человека, громко спорили.

«Подождите! Что я сделал не так, а? Говорю вам, я ничего не брал!»

«Не лги. Я сам видел, как ты вынимал деньги из алтаря».

«Видел, говоришь? — Фарон недоверчиво спросил. — Доказательства... где доказательства!»

Тома протиснулся сквозь толпу и начал успокаивать толпу.

«Немедленно прекратите это! Вы считаете приемлемыми такие препирательства в этом святом месте?»

Все были явно поражены неожиданно строгим и громким голосом Тома и со стыдом отвернулись от него. Его слова заставил их вспомнить о том, где они находятся.

Тома аккуратно взглянул на монаха по имени Фарон. Это был пожилой мужчина, возможно, лет шестидесяти, с лысой головой и глубокими морщинами, покрывающими лицо. В отличие от недавних стариков, его тело было худым, почти скелетным из-за недоедания.

Молодой монах посмотрел на Тому и тихо прошептал.

«...Что вы будете делать?»

«Брат Фарон и правда совершил такое?» — с опаской спросила Тома.

«Я лично был свидетелем этого».

«Ты уверен?»

«Да. К тому же, это видел не только я, но и другие...»

Тома застонал. Он должен был сохранять нейтральную позицию. Чтобы поверить словами Фарона, ему также нужно было честно взвесить утверждения остальных монахов и сестёр. Самый простой способ решить, на чьей стороне встать, — это выяснить, кто говорит правду.

Тома повернулся к Фарону, который воспринял его взгляд как обвинение.

«Н-неужели, Сэр Герой тоже подозревает меня?!»

«...Я не Герой».

«П-прошу прощения. Брат Тома, м-может, вы сомневаетесь во мне?» — голос Фарона, казалось, дрожал.

Он сглотнул и посмотрел вниз. С его лба даже начал стекать пот; Тело монаха тревожно дрожало.

Золотые зрачки Тома сияли, пока он изучал цвет души Фарона. На первоначально чисто синем цвете начали появляться маленькие красные пятнышки. Вскоре, вся душа Фарона не окрасилась в красный цвет. Это изменение означало, что он 'лгал', и никакая ложь не могла ускользнуть от взгляда Тома.

Теперь, зная правду, он посмотрел на Фарона с мягкой улыбкой.

«Брат Фарон».

«А? А... да».

Фарон почувствовал, как мягкий голос монаха успокаивает его. Однако он лишь ещё больше опустил голову, не в силах выдержать тяжести взгляда Тома.

«Ты... воровал пожертвования?»

«Брат Тома! Я...»

Фарон поспешно поднял голову, но тут же потерял голос перед нежной улыбкой Тома. После некоторого колебания он заговорил.

«М-мне очень жаль. Моя жена... Она серьёзно больна, но цена лекарств...»

«Я понимаю».

Тома утешил Фарона и похлопал его по плечу. Вместо того, чтобы подливать масла в огонь, он спросил у старого монаха, как поживает его жена.

«Так ей стало лучше?»

«А? Нет... это...»

Видя, что Тому больше волнует здоровье его жены, чем украденные пожертвования, Фарон не мог не почувствовать острую вину в своем сердце. Поток слез хлынул из глаз, когда его колени подогнулись от потока эмоций.

«Мне жаль. Мне правда жаль! Брат Тома...! Да, у моей жены все хорошо. К счастью, она пережила самое худшее. Она всё ещё серьёзно больна, но... Она поправится! Да, ей обязательно станет лучше!»

«Вот как. Я рад».

Тома повернулся к другим братьям и сестрам, которые с презрением смотрели на Фарона.

«Мне жаль! Я солгал... Мне очень жаль! Это я украл деньги ...!»

«Не мне получать твои извинения», — перебил его Тома.

Он помог Фарону подняться на ноги и заставил посмотреть на остальных членов аббатства.

«Ну-ну. Вот теперь, каждому...»

«Простите меня. Мне очень жаль».

Фарон встал лицом к остальным монахиням и монахам, низко поклонился и извинился по настоянию Тома.

«Деньги... Я обязательно верну их. Я верну их любой ценой! Так что... пожалуйста, простите меня».

Услышав эти слова, глаза других монахинь и монахов смягчились. Однако их разочарование было неизмеримо. Никто из них не ожидал, что кто-то настолько доверенный и уважаемый, как Фарон, предаст аббатство. Тома тоже был застигнут врасплох действиями старого монаха, но вместо разочарования он чувствовал сочувствие.

‘Ничего не поделаешь’, — подумал он про себя.

Аббатство больше не зарабатывало деньги так, как раньше. Монахи и сестра с трудом могли позволить себе достаточно еды, не говоря уже о таких роскошах, как лекарства. Брат Фарон

был вынужден сделать трудный выбор: предать своих братьев и сестер или позволить своей жене умереть.

‘Однако... если что-то подобное случится снова, все будет очень печально’.

Аббатство было в действительно ужасном положении.

— Ω —

<http://tl.rulate.ru/book/34317/1651743>